

DOI: 10.7868/S0321039118020103

ПРЕДВОЕННАЯ ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ: С.А. ЖЕБЕЛЁВ И СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ в 1939–1941 гг.

С.Г. Карпюк¹, О.В. Кулишова²

¹ *Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
¹E-mail: oxlos@yandex.ru, ²E-mail: o.kulishova@spbu.ru

Статья посвящена советско-германским научным контактам в 1939–1941 гг. и роли в них академика С.А. Жебелёва. В приложении публикуется некролог немецкого ученого Э. Шварца, написанный С.А. Жебелёвым в 1940 г.

Ключевые слова: С.А. Жебелёв, Э. Шварц, АН СССР, история античного мира, историография, советско-германские отношения

ANCIENT HISTORY BEFORE THE WAR: S.A. ZHEBELYOV AND SOVIET-GERMAN SCIENTIFIC CONNECTIONS in 1939–1941

Sergey G. Karpyuk¹, Oksana V. Kulishova²

¹ *Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

² *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*
¹E-mail: oxlos@yandex.ru ²E-mail: o.kulishova@spbu.ru

The article is devoted to academic contacts between Soviet and German historians of antiquity in 1939–1941 and S.A. Zhebelyov's role in these contacts. The authors publish S.A. Zhebelyov's obituary note for the prominent German scholar Ed. Schwartz (1940).

Keywords: S.A. Zhebelyov, Ed. Schwartz, Academy of Sciences of USSR, classical history, historiography, Soviet–German relations

Данные об авторах. Сергей Георгиевич Карпюк — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ. Оксана Викторовна Кулишова — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ.

Вопрос о том, насколько серьезно политические реалии влияют на взаимоотношения между учеными и научные контакты, не нов. В первой половине XX века две мировых войны нанесли серьезный (хотя и временный) урон научному сотрудничеству. Отношение историков к войне, взаимоотношения между коллегами хорошо исследованы на примере российской и германской исторической науки перед и во время Первой мировой войны¹. Однако не менее важно рассмотреть период перед началом Великой Отечественной войны, когда после подписания советско-германского договора о ненападении антифашистская и антинемецкая риторика исчезает со страниц официальной советской прессы.

Особый интерес представляют в этом контексте взаимоотношения между советскими и немецкими антиковедами: немецкая классическая филология и античная история занимали лидирующие позиции вплоть до 1920-х годов, да и в последующие десятилетия немецкая наука о древности оставалась одной из ведущих научных школ. К тому же у русских ученых были давние личные связи с немецкими коллегами (стажировки в Германии были обычным делом); более того, немалое число российских специалистов по античности имели немецкое происхождение и связи в Германии. И, безусловно, немецкие ученые были среди членов-корреспондентов Санкт-Петербургской Академии наук, по наследству доставшихся АН СССР.

В стенограммах Отделения истории и философии АН СССР за 1940 г. сохранился составленный С.А. Жебелёвым некролог известного немецкого антиковеда Эдуарда Шварца (22.08.1858, Киль — 13.02.1940, Мюнхен, Германия)². На первой странице машинописи имеется резолюция академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР А.М. Деборина: «приложить к стенограмме Отделения за март месяц»³. Машинописный текст был основательно проверен и исправлен Жебелёвым⁴. Возможно, одновременно с этим докладом памяти Шварца он выправлял и еще один машинописный текст: составленный им некролог Дмитрия Власевича Айналова (8[20].02.1862—12.12.1939)⁵. Во всяком случае, в этом же архивном деле, содержащем материалы стенограмм 1940 г., некролог Айналова следует непосредственно за некрологом Шварца, хотя и относится к материалам июньской сессии⁶. На последней странице некролога Айналова стоит подпись Жебелёва⁷ (обычное подтверждение собственноручной правки докладчика), видимо, относящаяся к обоим документам. В то время как некролог Айналова

¹ К примеру, позиция В.П. Бузескула по отношению к Германии (см. Rostislavleva 2007, 106—110).

² АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 77—81.

³ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 77.

⁴ В машинописи имеются и многочисленные исправления в самом тексте, и дополнения на полях, Жебелёв от руки вписал также всю «латиницу»: не только имя немецкого ученого, но и многочисленные названия его трудов, латинские названия и выражения и пр.

⁵ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 82—87.

⁶ На первой странице этого некролога содержится резолюция «Приобщить к стенограмме Отделения о июньской сессии. А. Деборин» (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 82). Предшествуют докладу Жебелёва о Шварце также материалы июньской сессии: Н.П. Троян. Из истории русского атеизма. Доклад на сессии Академии Наук СССР 27 июня 1940 г. (л. 1—76).

⁷ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 87.

в этом же году появился в «Известиях АН СССР»⁸, некролог Шварца не был опубликован в ИАН в период 1940—1941 гг., его последующую публикацию авторам статьи также обнаружить не удалось.

Материалы, связанные с Жебелёвым, встречаются в стенограммах, которые хранятся в Архиве РАН в Москве, вовсе не случайно: с середины 1930-х годов он часто ездил в Москву по делам Академии наук и активно участвовал в академических заседаниях. Об этом, в частности, вспоминал академик Ю.В. Готье в своем выступлении на посвященной памяти Жебелёва объединенной сессии академических институтов, состоявшейся 31 января 1942 г. в Ташкенте, отметив, что с 1935 г. Жебелёв стал «посетителем Москвы, постоянно принимал участие в сессиях Отделения истории и философии, заседаниях институтов»⁹.

Подобные приложения к стенограммам представляют собой тексты прочитанных на академических сессиях докладов и выступлений. Доклады памяти коллег по Академии наук, которые делались на заседании Отделения, — давняя традиция и своего рода почетная обязанность академиков. Об этом свидетельствуют указания в тексте публикации таких некрологов. В некрологе Германа Дильса в подзаголовке в скобках указано: «читан академиком С.А. Жебелёвым в заседании Отделения Гуманитарных Наук 22 февраля 1928 г.»¹⁰ Такие доклады могли быть прочитаны не только автором текста, но в случае его отсутствия и одним из коллег-академиков¹¹. Судя по началу уже упомянутого некролога Дильса, подобные памятные речи могли зачитываться и некоторое время спустя после печального события: «Лучше поздно, чем никогда... Было бы непростительно не занести на скорбные страницы “Известий Академии Наук” имя одного из выдающихся ученых последнего пятидесятилетия, Германа Дильса (Hermann Diels), скончавшегося в Берлине 4 июня 1922 г. и состоявшего в списке членов-корреспондентов Академии, по разряду классической филологии, с 1896 г.» (некролог читан и опубликован в 1928 г.)¹².

Уже неоднократно исследователи, обращавшиеся к фигуре Жебелёва, указывали на то, что среди разнообразного научного наследия Сергея Александровича особое место занимали некрологи, которыми он почтил память как российских, так и зарубежных ученых¹³. Э.Д. Фролов особенно подчеркивает значение этой линии историографических занятий Жебелёва: «Он был мастером биобиблиографических очерков, публиковавшихся из года в год в виде некрологов. Количество этих посмертных обзоров столь велико, а качества их, т.е. содержательность и, как правило, объективность оценок, столь высоки»¹⁴, что Жебелёв по праву может называться Плутархом современного антиковедения — именно так

⁸ Zhebelev 1940, 133—135. Этот номер был подготовлен к печати в самом конце 1940 г. («сдано в набор 22/X 1940, подписано к печати 20/XII 1940»). За особенно интересующий нас период 1940—1941 гг. в этом академическом издании Жебелёв публикует и другие материалы памяти ушедших коллег: см., например, составленный им некролог члена-корреспондента АН СССР по Отделению литературы и языка С.П. Шестакова (Zhebelev 1941b, 152—154).

⁹ См. Karpyuk, Kulishova 2018, 103.

¹⁰ Zhebelev 1928, 21.

¹¹ Так, например, в составленном Жебелёвым некрологе Эдуарда Курца: «читан академиком Ф.И. Успенским в заседании Отделения исторических наук и филологии 10 февраля 1926 года». См. Zhebelev 1926, 1047.

¹² Zhebelev 1928, 21.

¹³ Tunkina, Frolov 1993, 182.

¹⁴ Frolov 2006, 304.

он охарактеризован в мемуарах Б.В. Варнеке, которые недавно были наконец опубликованы¹⁵.

С.А. Жебелёв не был, как, например, М.И. Ростовцев, тесно связан с западным научным сообществом и ориентирован на него (он отказался от заграничной стажировки, не имел таких активных личных контактов), но понимал значение этих связей для научного сообщества, поддерживал их. На это обстоятельство особенно указывал А.Л. Мацулевич в своем докладе на уже упомянутой ташкентской сессии академических институтов в конце января 1942 г., отметив «значительное количество некрологов, которые написаны Жебелёвым... Но было несправедливо усматривать в таких интимных заботах — от некролога до кладбищенской памятки — националистическую узость или, тем более, шовинизм. Он (Жебелёв. — *Авт.*) глубоко ценил европейскую науку и имел среди ее представителей подлинных друзей... Своими поминками иностранных ученых он, между прочим, стремился ввести в круг сравнительно широкого читателя и студенчества знакомство с передовыми достижениями мировой науки»¹⁶. В сохранившихся в личном фонде Мацулевича подготовительных материалах к этому докладу содержится список «иностранных некрологов» (выражение самого Мацулевича)¹⁷, который он включил в свой доклад. Большую часть этого списка составляют некрологи немецких ученых (соответственно значению и роли в конце XIX — начале XX в. германского антиковедения в мировом): Адольфа Фуртвенглера, Адольфа Кирхгофа, Адольфа Михаэлиса, Вольфганга Гельбига, Августа Гейзенберга, Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа¹⁸. Но этот и без того довольно пространственный список можно еще дополнить¹⁹ статьями памяти немецких ученых Ульриха Кёлера, Отто Бенндорфа, Отто Пухштейна, Александра Конце, уже упомянутых Германа Дильса и жившего в Курляндии Эдуарда Курца, а также Вильгельма Дёрпфельда и др.²⁰.

Эдуард Шварц был весьма значительной фигурой немецкого антиковедения последней четверти XIX — первой половины XX в., интерес к которой сохраняется до сих пор. По оценкам германской историографии, Э. Шварц принадлежал к самым выдающимся представителям немецкой науки об античности после Моммзена и Виламовица-Мёллендорфа. В некрологе Шварца Жебелёв отмечает, что он «после смерти Виламовица-Мёллендорфа бесспорно стоял во главе германских филологов-эллинистов»²¹. Труды Шварца и его всестороннее знание как классической древности, так и раннего христианства «рассматривались в качестве образца для целых поколений»²². Часто отмечается, что многие его работы сохраняют актуальность и сейчас, об этом же свидетельствует многочисленная литература о нем, появившаяся в последние десятилетия; Шварц весьма популярен и среди историографов конца XX — начала XXI вв.; из наиболее значимых работ следует отметить статьи А. Момильяно и В. Унте²³.

¹⁵ Warneke 2014, 1, 169; см. также: Tunkina 2013.

¹⁶ См. Karpyuk, Kulishova 2018, 108.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 43.

¹⁸ Zhebelev 1907; 1908a; 1910; 1916; 1931; 1932.

¹⁹ См., например, список некрологов Жебелёва, которые хранятся в СПбФ АРАН: Tunkina 2017, 313.

²⁰ Zhebelev 1904; 1908b; 1913; 1917; 1926; 1928; 1941a.

²¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 77.

²² Unte 2007, 797–798.

²³ Momigliano 1994; Unte 2007 (с указанием изданий работ Шварца и обширной литературы о нем). См. также сборник статей, посвященный научному наследию Э. Шварца: Heil, Stockhausen 2015.

Э. Шварц изучал античность сначала под руководством Германа Зауппе и Курта Ваксмута в Гёттингене, затем Германа Узенера и Франца Бюхлера — в Бонне, наконец, Теодора Моммзена — в Берлине и Ульриха фон Виламовица-Мёллендорфа — в Грайфсвальде. Всех своих учителей сам Шварц называет в «Автобиографии», приложенной к тексту первой диссертации («*De Dionysio Scytobrachione*»), которую он защитил в 1880 г. в Бонне²⁴. Там же в 1884 г. он прошел хабиляцию. Шварц был профессором университетов Росток, Гиссена, Страсбурга (где впоследствии в 1915—1916 гг. занимал также ректорскую должность), Гёттингена, Фрейбурга. В 1919 г. он получил кафедру в Мюнхенском университете, в Мюнхене и оставался до конца своей жизни.

Жизненный путь Э. Шварца отразил все сложности современной ему эпохи, хотя семья принадлежала к академической элите: отец его около 30 лет был профессором медицины в университете Гёттингена, братом его матери был археолог и историк Адольф Михаэлис, старшая сестра матери была замужем за историком Иоганном Густавом Дройзеном, знаменитым исследователем эллинизма, а младшая — за археологом Евгением Петерсеном; по материнской линии Шварц также состоял в родстве с филологом и археологом Отто Яном²⁵. Эта часть немецкой интеллигенции была связана с Пруссией (в частности, через Боннский университет), но никогда до конца с ней себя не отождествляла. Ужасный след в жизни ученого оставила Первая мировая война: погибли два его старших сына: в 1914 г. Герхард, а в 1918 г. — Иво²⁶. Шварц вышел в отставку в 1929 г., еще до того как нацисты пришли к власти, хотя «он дважды читал университетские курсы уже при нацистском режиме — по древнегреческой этике классического и эллинистического периодов — но, конечно, не с нацистским уклоном и не для того, чтобы понравиться нацистам»²⁷. Он умер в возрасте 81 года 13 февраля 1940 г., в эпоху Третьего рейха, но, по словам Момильяно, нет никаких оснований подозревать его в симпатиях к нацистскому режиму²⁸.

Его научные интересы были весьма разнообразны, по выражению Жебелёва, «вся ученая деятельность Шварца свидетельствует о широте его научных интересов, об изощренном даре комбинаций, о трезвости и остроте критической мысли»²⁹. Среди главных направлений научных занятий Шварца:

- критические издания текстов античных авторов: сохили к Еврипиду (2 т., 1887—1891), «Церковная история» Евсевия (3 т., 1903—1909) и т.д.;

- греческая историография: он подготовил статьи почти про всех греческих историков для RE (от А до Е — Аполлодор, Аппиан, Арриан, Диодор, Кассий Дион, Диоген Лаэртский, Дионисий Галикарнасский, Эфор, римский историк

²⁴ Schwartz 1880, 61: “Docuerunt me viri clarissimi Baumann Fick Pauli Sauppe Wachsmuth Gottingenses, Aufrecht Buecheler Kekulé Leo Vsener Bonnenses, Mommsen Zeller Berolinenses, Kiessling de Wilamowitz Gryphenses”.

²⁵ А. Момильяно характеризует его как «одного из величайших и наиболее оригинальных немецких филологов» (Momigliano 1994, 187). О. Ян был членом-корреспондентом Императорской Академии наук (Историко-филологическое отделение) по разряду археологии с 03.12.1855. См. URL: http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp? P=.id-52945.ln-ru.dl-pr-inf.uk-12 (дата обращения: 12.04.2018).

²⁶ Unte 2007, 797.

²⁷ Momigliano 1994, 191.

²⁸ Momigliano 1994, 191.

²⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 77.

Курций Руф — всего около 200 статей), а также опубликовал большой труд об «Истории» Фукидида (1917, 1929²);

— историко-биографические штудии: “Charakterköpfe aus der antiken Literatur”, по выражению Жебелёва, “целая галерея типов из различных эпох античности”³⁰; эта работа выдержала пять изданий в Германии³¹;

— работы по греческой поэзии: эссе о Гомере, Гесиоде, Тиртее и др.; исследование греческого романа в отношении к греческой историографии;

— история христианства в античную эпоху: «Константин и христианская церковь» (1913, 1936²) и т.д., а также, по определению Жебелёва, «работа в области изучения памятников христианства и начальной византийской письменности»³², наиболее значительное его предприятие — монументальное издание «Актос вселенских соборов» 431—553 гг. (4 т., 1914—1940), которое осталось незаконченным;

— изучение античной географии и хронологии.

О высокой научной репутации Э. Шварца говорит его членство в академиях Берлина, Гейдельберга, Мюнхена, Вены, Страсбурга, Петербурга, Копенгагена, Будапешта и Стокгольма³³. С 1 декабря 1912 г. Эдуард Шварц являлся иностранным членом-корреспондентом Императорской Академии наук (Историко-филологическое отделение) по разряду классической филологии и археологии³⁴. Избрание его членом-корреспондентом состоялось на заседании Историко-филологического отделения Императорской Академии наук 28 ноября 1912 г., на котором присутствовали: «вице-президент, академик П.В. Никитин, непременный секретарь, академик С.Ф. Ольденбург, гг. академики В.В. Радлов, К.Г. Залеман, В.В. Латышев, И.И. Янжул, А.С. Лаппо-Данилевский, П.К. Коковцов, М.А. Дьяконов, Н.Я. Марр. Не присутствовали: президент, Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович»³⁵.

«Записка об ученых заслугах профессора Фрейбургского университета Эдуарда Шварца (Eduard Schwartz)» (а это представление идет третьим по счету в ряду подобных записок в протоколе заседания), составленная Никитиным и Латышевым, начиналась так: «Эдуард Шварц, родившийся в 1858 г. В Киле, ныне ординарный профессор классической филологии во Фрейбургском университете в Бадене, а ранее занимавший такое же положение в Геттингенском университете и еще раньше — в Ростокском, принадлежит к числу наиболее выдающихся современных эллинистов»³⁶.

Авторы «Записки» подчеркивают заслуги Шварца и как издателя текстов, и как исследователя историко-литературных вопросов. Они разбирают публикацию им в двух томах схолий к Еврипиду, которая, по их словам, выступила «желанной

³⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 78.

³¹ По замечанию Момильяно, всю свою жизнь Шварц имел несомненный интерес к биографическим очеркам как античных персонажей, так и современников, поэтому его работы содержат богатый биографический материал: не только специальные замечания, но и не прямые указания (см. Momigliano 1994, 188).

³² АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 79—80.

³³ Unte 2007, 797.

³⁴ URL: [http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp? P=.id-52746.ln-ru.dl-.pr-inf.uk-12](http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-52746.ln-ru.dl-.pr-inf.uk-12) (дата обращения: 12.04.2018).

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Д. 159. Л. 423 (протокол № 14). Протоколы заседаний Историко-филологического отделения публиковались на правах рукописи в академической типографии.

³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Д. 159. Л. 435 об.

заменой издания, исполненного весьма знаменитым в свое время Вильгельмом Диндорфом, и остается необходимым пособием для всякого изучающего литературу греческой трагедии»³⁷. Никитин и Латышев также указывают на достоинства осуществленного Шварцем издания произведений древних христианских апологетов Татиана и Афинагора (соответственно в 1888 и 1891 гг.), работа над которым велась им одновременно с изданием еврипидовских сохий. Конечно, они отмечают значение изданной Шварцем «Церковной истории Евсевия» в трех томах³⁸. По замечанию авторов, многочисленны исследования Шварца, посвященные отдельным вопросам, которые «относились преимущественно к области греческой и римской историографии, касаясь чуть ли не всех греческих историков, начиная Геродотом и кончая Африканом и Евсевием»³⁹. Авторы «Записки» указывают на гибкость его писательского таланта, соответствующего разнообразию его занятий, а также на тщательную работу с источниками, которая не ограничивалась знанием только классических древних языков: «В нескольких своих работах он самостоятельно пользуется сирийскими текстами, не чужд, по-видимому, и знания языков еврейского и армянского⁴⁰, а, как говорят, читает и по-русски»⁴¹.

Наконец, Никитин и Латышев заключают: «Полагаем, что ученый, так много сделавший для историко-филологической науки и находящийся еще в цвете сил и научной предприимчивости, достоин был бы чести избрания в члены-корреспонденты нашей Академии по разряду классической филологии и археологии»⁴².

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится автограф письма Э. Шварца с благодарностью за избрание в члены-корреспонденты Императорской Академии наук (традиционное в таких случаях). Оно датировано 4 февраля 1913 г. (в 1909–1914 гг. Э. Шварц – профессор университета во Фрейбурге-в-Брейсгау):

4. Februar 1913
Freiburg / Breisgau
Sternwald str. 33
Das Diplom durch das die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften mich zu ihrem Mitglied

4 февраля 1913 года
Фрейбург / Брейсгау
Штернвальдштрассе, 33
Диплом, согласно которому Императорская Академия наук причисляет меня к

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Д. 159. Л. 436.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Д. 159. Л. 436.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Д. 159. Л. 436 об.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Д. 159. Л. 436 об. На это же обстоятельство обращает особое внимание в некрологе и Жебелёв: «Шварц не побоялся обратиться к изучению сирийского языка и достиг в этом отношении такого совершенства, что в своих работах мог переводить сирийский текст на греческий язык» (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 80).

⁴¹ Замечания о знании Э. Шварцем русского языка встречаются в воспоминаниях Б.В. Варнеке, который пишет, что слушал лекцию Шварца о Феокрите в университете Геттингена, где Шварц с 1902 г. был профессором (см. Warneke 2014, 1, 164; 168–169). По словам Варнеке, после полученной им от профессора записки «на довольно сносом русском языке» он даже встречался с Шварцем по поводу переводов статей из «Византийского временника». Далее Варнеке отмечает: «Оказывается, он самоучкой выучился по-русски, но многого не понимал, и вот весь вечер продержал меня за переводом статей» антиковеда и византиниста Д.П. Беляева и историка церковного права А.С. Степанова (Warneke 2014, 1, 168–169). Судя по мемуарам Варнеке, Шварц интересовался работами и других российских коллег: хорошо был знаком с содержанием диссертации П.В. Никитина, просил прислать ему труды Ф.А. Курганова, который занимался историей церкви.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1912. Д. 159. Л. 436 об.

ernennt, ist in meine Hände gelangt und ich be-
eile mich der Kaiserlichen Akademie Dank für
diese Ehre auszusprechen, die mich um so mehr
beglückt als sie mich gänzlich überrascht hat.
Meine wissenschaftlichen Arbeiten zerstreuen
sich über sehr auseinander liegende Gebiete und
sind darum meist nur Ansätze geblieben, kaum je
zu einem Ganzen gereift. Wenn sie trotzdem bei
Ihnen solche Anerkennung gefunden haben, dass
Sie mich der Ehre für würdig halten zu den Ih-
rigen zu gerechnet zu werden, so soll mir das ein
weiterer Ansporn sein meine Forschungen so zu
konzentrieren und zu vertiefen, dass ich mich der
großen philologischen Tradition würdig erweise,
die von der Kaiserliche Akademie vertreten wird.

In größter Hochschätzung und Ergebenheit,

*Eduard Schwartz*⁴³

своим членам, находится в моих руках,
и я спешу выразить благодарность Импера-
торской академии за эту честь, которая по-
дарила мне большое счастье, равно как и не-
обыкновенно удивила. Мои научные работы
затрагивают самые разные области, и поэто-
му по большей части обозначают лишь под-
ходы к теме, а не исчерпывают ее. Если вы
тем не менее признавая мои заслуги, считае-
те возможным сделать мне честь причислить
меня к вашему сообществу, то это побудит
меня еще больше сконцентрировать и углу-
бить мои исследования, чтобы оказаться до-
стойным великой филологической традиции,
представляемой Императорской Академией.

С величайшим уважением и преданностью,

Эдуард Шварц

Возвращаясь к некрологу Э. Шварца, отметим, что Жебелёв не только дает об-
щую характеристику жизни и творчества немецкого ученого: рассказывает о нем
как о филологе, литературоведе и историке, подчеркивает его работу издателя,
отмечает изучение им греческой историографии, его исследования памятников
христианства, говорит о нем как о личности и исследователе, а также о его значе-
нии в науке. Как и в других своих работах, посвященных памяти коллег, Жебелёв
обращается и к общим проблемам антиковедения. Прежде всего, он подчеркива-
ет важность сочетания филологии и истории в изучении античности:

Шварц счастливо совмещал в своем лице и филолога-классика и историка античного мира ...
[Жебелёв приводит слова Шварца:] «Для науки всегда бывает неладно, если историк не хочет
быть филологом, и, в свою очередь, для исторического познания бывает роковым, если оно за-
мыкается только в филологические проблемы». И вот Шварц, действительно, в своей научной
деятельности показал себя и отменным филологом и превосходным историком⁴⁴.

При этом, как и многие другие памятные статьи, некролог Шварца интересен
суждениями автора, которые очевидно связаны с насущными проблемами его
собственной научной деятельности. Так, если вспомнить недавний опыт коллек-
тивной работы самого Жебелёва по подготовке «Всемирной истории», которая
шла очень трудно, становится вполне понятным его суждение относительно эф-
фективности такой работы. В связи с характеристикой начатого Шварцем моно-
ментального издания «Акты вселенских соборов», которое осталось, за смертью
Шварца, не доведенным до конца, Жебелёв замечает следующее:

...нужно надеяться, найдется подходящий человек или подходящие люди, которые весь этот
первостепенной важности труд доведут до конца. По поводу его Виламовиц-Мёллендорф в свое
время правильно писал: «Воля и энергия одного человека, при внешней поддержке, способны
осуществить большое дело скорее, чем всякого рода, хотя бы и организованная, коллективная
работа»⁴⁵.

Некролог Э. Шварца, прочитанный на заседании Отделения истории и фи-
лософии АН СССР в марте 1940 г., — не единственное свидетельство сохра-
нившихся связей советских ученых с немецким антиковедением. Еще одним

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1912. Д. 13. Л. 103.

⁴⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 78.

⁴⁵ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 81.

подтверждением подобных контактов уже после начала Второй мировой войны является неожиданная публикация в первом номере «Вестника древней истории» за 1940 г.: обзор VI Международного археологического конгресса в Берлине, который проходил 20–26 августа 1939 г.⁴⁶ Следует отметить, что начало традиции подобных обзоров положил Жебелёв: он написал обзор I Международного археологического конгресса, который проходил в Афинах 7–13 апреля 1905 г.⁴⁷ И публикация 1940 г. вряд ли могла появиться в ВДИ без участия Жебелёва: ее автор Э. Диль был его учеником в Петроградском университете и, вероятно, сохранял связь с учителем в латвийский период своей жизни. Вскоре после участия в этом съезде Диль в числе других латышских немцев был репатрирован в Германию и к началу 1940 г. жил в оккупированной Польше, постепенно поднимаясь по служебной лестнице и в университете, и в нацистских организациях⁴⁸.

VI Международный археологический съезд в Берлине — не самая светлая страница в истории развития археологии; нацистская идеология и расистская практика привели к тому, что съезд в Берлине бойкотировали представители Великобритании, Франции, США и многих других стран Европы и Северной Америки. Советские ученые также отсутствовали, но прежде всего потому, что в этот период им был закрыт выезд за границу. Впрочем, необходимость поддержания международных научных связей понимало и советское руководство: согласно письму управделами Совнаркома в АН СССР от 20 мая 1939 г., Совнарком разрешил АН СССР состоять юридическим членом пяти ученых обществ и союзов, первым из которых был поименован Международный комитет исторических наук (Париж)⁴⁹.

Э. Диль описал историю созыва археологического съезда: V съезд в Алжире в 1930 г. постановил провести следующий в 1933 г. в Берлине; «держась алжирского постановления, бюро конгресса дважды откладывало созыв с тем, чтобы собрать ученых археологов осенью 1939 г. в Берлине». Организатором съезда выступил Археологический институт Германской империи. На съезд прибыли ученые из 34 стран, «в том числе из Южной и Средней Америки». Всех участников было больше тысячи. Всего было заслушано свыше 175 докладов. «Проф. Маринатос (Греция) доложил о раскопках в Фермопилах и затем демонстрировал цветной кинофильм»; он же «представил проект охраны памятников искусства во время войны»⁵⁰.

Очевидно, нацистские вожди придавали этому съезду немалое пропагандистское значение. Однако или Диль, или редактор ВДИ убрал опасные коннотации, и публикация в ВДИ выглядит корректной. В материале Диля был дан обзор докладов, посвященных Причерноморью и представлявших наибольший интерес для советских читателей; сам он также сделал на съезде доклад на северо-причерноморском материале.

Проведение археологического съезда в Берлине совпало по времени с заключением советско-германского договора о ненападении и непосредственно предшествовало началу Второй мировой войны. «Опасный» политический контекст способствовал завесе молчания над этим мероприятием. Характерно, что эта

⁴⁶ Diehl 1940, 214–216.

⁴⁷ См. *ЖМНП*. 1905, июль. Отд. IV. С. 1–27.

⁴⁸ Биографию Эриха-Вильгельма (Эриха Васильевича) Диля написал Дирк Мольдт (Moldt 2004, 161–170).

⁴⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 225.

⁵⁰ Diehl 1940, 214–216.

публикация опущена в библиографическом указателе А.И. Воронкова (достаточно полном)⁵¹; может быть, именно поэтому о ней не осведомлены и современные немецкие историки науки. «Проскочившая» в ВДИ публикация (первый номер за 1940 г. был сдан в набор 3 января, а подписан к печати 25 марта 1940 г.) свидетельствовала об изменившемся политическом курсе советского руководства, но вряд ли о симпатиях советских историков древнего мира, которые именно в это время пытались помочь своему коллеге, оказавшемуся на территории Германского рейха. Речь идет о Берджихе (Фридрихе) Грозном, знаменитом чешском ученом, который остался в оккупированной немцами Праге и отказался стать ректором Карлова университета при «новом порядке». Он послал в ВДИ статью с дешифровкой писем из Мохенджо-Даро и Хараппы, которая была опубликована в 1941 г. Советские коллеги пытались оказать материальную помощь Б. Грозному (он до этого бывал в СССР и публиковался в ВДИ), и 16 января 1940 г. Отделение истории и философии отправляет в Президиум АН СССР письмо:

Сектор Древней истории Института истории АН, обсудив значение открытия известного ученого Ф. Грозного (расшифровка протоиндийских табличек) и его согласие на публикацию этого открытия в советской научной литературе, просит отпустить 56 ф. стерлингов на приобретение рукописей проф. Ф. Грозного. Бюро Отделения истории и философии поддерживает предложение Сектора древней истории...⁵²

Через три месяца появляется решение Совнаркома от 17 марта 1940 г., копии которого были отправлены в Наркомфин и в АН СССР О.Ю. Шмидту:

СНК Союза ССР разрешает Наркомфину СССР выдать Академии наук СССР 56 фунтов стерлингов на приобретение рукописей профессора Грозного.

Зам. Председателя СНК Союза ССР А. Вышинский⁵³

Характерен также подбор рецензий в первом номере ВДИ за 1940 г.: К. Зельин. *Michigan Papuri*; А. Бокщанин. Новейшие популярные американские курсы древней истории; Т. Шепунова. *The Cambridge Ancient History*, t. XII; Н. Машкин. *Maurice Besnier. L'Empire Romain...* (с. 122–138). В этом же номере публикуются обзоры двух французских и одного бельгийского научного журнала (с. 153–159), а также перевод статьи Ж. Доссена из французского журнала *“Syria”* за 1939 г. (с. 34–45). Некий баланс между рецензиями на немецкие, с одной стороны, и англо-американские и французские работы, с другой стороны, поддерживался и в последующих предвоенных номерах ВДИ (следует отметить, что рецензий на немецкие работы было существенно меньше).

Первый номер ВДИ 1940 г. — это журнал военного времени. В нем публикуется перевод большого трактата (свыше 60 журнальных страниц: с. 231–293) Флавия Вегеция Рената «Краткое изложение военного дела» (*Epitome rei militaris*) в переводе С.П. Кондратьева с предисловием А.В. Мишулина.

Советские читатели ВДИ, несомненно, понимали намеки и умели читать между строк; картина баланса научных публикаций враждующих сторон на фоне военной тематики журнала могла восприниматься вполне актуально.

Можно ли составить общую картину взаимодействия советских и немецких историков античности в период с августа 1939 по июнь 1941 г., когда уже шла Вторая мировая война, но еще сохранял силу Советско-германский договор о ненападении? И какую роль играл в этом академик Жебелёв?

⁵¹ Voronkov 1961.

⁵² АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 11.

⁵³ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 77.

Советский академик должен был хорошо помнить опыт Первой мировой войны, когда «патриотическая» полемика разделила историков двух стран, привела к взаимным обвинениям и обидам: тому пример достаточно эмоциональная полемика М.И. Ростовцева с Э. Мейером⁵⁴. Поэтому Жебелёв старался в 1940 г. быть объективным и корректным по отношению к германским коллегам: об этом свидетельствует и некролог Шварца, и его вероятная рекомендация опубликовать обзор Э. Дили. То же самое можно сказать и о других представителях советской гуманитарной науки.

Так, в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка» за 1940–1941 гг. публикуется целый ряд рецензий на издания по немецкой диалектологии, подготовленные прежде всего проф. Т. Фрингсом (Th. Frings), а также другими видными специалистами⁵⁵. Однако это никак не означало, что советские историки древности проявляли симпатии к идеологии и практике нацизма.

«Вестник древней истории» к 1940 г. уже перестал формально подчиняться отделу агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и стал органом Института истории АН СССР. Тем не менее, возглавлявший журнал А.В. Мишулин чутко улавливал внешнеполитическую конъюнктуру. Он опубликовал обзор археологического конгресса в Берлине, но в том же номере ВДИ был опубликован и обзор франкоязычных научных журналов, и многочисленные рецензии на издания книг, вышедших в США, Великобритании и Франции. Эта тенденция «сбалансированного рецензирования» (впрочем, в пользу английских и французских изданий) сохранялась и в других предвоенных номерах ВДИ (публикация статьи жившего в Испании немецкого ученого А. Шультена мало что меняла в этом раскладе). Самым заметным признаком советского-германского договора было, впрочем, исчезновение антифашистских статей и других материалов, содержавших критику фашистской идеологии.

На фоне меняющихся идеологических установок советские ученые и руководители науки стремились сохранять по мере возможности научную корректность. Этим можно объяснить осторожность в оценках и сбалансированность в описаниях достижений европейских ученых в начальный период Второй мировой войны. Очевидно, свою роль сыграл и неприятный осадок, оставшийся от «патриотической полемики» историков-античников в период Первой мировой войны. Именно поэтому советские исследователи античности пытались до последней возможности сохранять научный подход по отношению к трудам немецких коллег в 1939–1941 гг.; личные (и политические) симпатии советских историков древности проявились в стремлении оказать помощь Берджиху Грозному, оказавшемуся в оккупированной фашистами Праге.

⁵⁴ Bongard-Levin, Heinen, Kreucher 2002, 609, 615–617 (научная публикация статьи М.И. Ростовцева «Историк древности об Англии и Великой войне», январь 1916 г.).

⁵⁵ Zhirmunskiy 1940a; 1940b; 1941.

[Резолюция:] Приобщить к стенограмме Отделения за март месяц. *А. Деборин*

Эдуард Шварц

13 февраля 1940 г. скончался в Мюнхене Эдуард Шварц (Eduard Schwartz), состоявший в списках членов-корреспондентов Академии наук⁵⁶ с 1912 г.

В ряду ученых, занимающихся изучением античного, по преимуществу эллинского мира, Шварц занимал одно из первых мест, а после смерти Виламовица-Мёллендорфа бесспорно стоял во главе германских филологов-эллинистов. Вся ученая деятельность Шварца свидетельствует о широте его научных интересов, об изощренном даре комбинаций, о трезвости и остроте критической мысли, об умении, где надо, доводить результаты своей исследовательской работы не только для специалистов ученых, но и для образованной публики вообще.

Шварц родился в Киле 22 августа 1858 г. Он штудировал в пяти германских университетах, в том числе в Боннском, где он прошел школу Узенера. И профессорская деятельность Шварца протекала последовательно в нескольких германских университетах, закончилась же она в Мюнхене, где в 20-х годах Шварц занимал даже пост президента Баварской Академии наук.

Шварц счастливо совмещал в своем лице и филолога-классика и историка античного мира, причем в этот мир включал не только так называемую классическую, или, точнее сказать, языческую древность, но и эпоху раннего христианства до Вселенских соборов включительно. В одной из своих статей, посвященной памяти ориенталиста Велльхаузена, Шварц писал: «Всякое историческое исследование, если оно не желает обратиться в иллюзию и забаву, должно обращаться к тому преданию, с каким оно имеет дело; если предание дошло до нас в литературных источниках, то литературно-исторические проблемы тесно между собой переплетаются. Для науки всегда бывает неладно, если историк не хочет быть филологом, и, в свою очередь, для исторического познания бывает роковым, если оно замыкается только в филологические проблемы». И вот Шварц, действительно, в своей научной деятельности показал себя и отменным филологом и превосходным историком.

Как филолог, Шварц дал образцовые издания схолий к трагедиям Еврипида, церковной истории Евсевия и многих других памятников раннехристианской греческой письменности. Как литературоведу, Шварцу принадлежит пять его докладов о греческом романе и блестяще составленные им характеристики ряда античных деятелей, среди которых стоят имена Гесиода и Пиндара, Фукидида и Еврипида, Сократа и Платона, Полибия и Посидония, Цицерона, киников Диогена и Кратета, Эпикура, Феокрита, Эратосфена, апостола Павла – целая галерея типов из различных эпох античности, причем являются именно “Charakterköpfe aus der antiken Literatur”, как озаглавил Шварц две своих небольших, но насыщенных содержанием книжки, выдержавших в Германии 5 изданий, не устаревших по сию пору и заслуживающих и теперь еще перевода на русский язык, так как эти книжки Шварца интересны и поучительны не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, не утративших вкуса к античности.

Иного характера большой труд Шварца о Фукидиде “Geschichtswerk des Thukydides”, появившийся впервые в 1917 г., переизданный в 1929 г. Книга эта посвящена спорному и все еще окончательно не решенному и вряд ли когда имеющему получить свое разрешение вопросу о композиции труда Фукидида. В этом вопросе Шварц стоит на точке зрения, высказанной в свое время Ульрихсом и Цвиклинским, разложившими историю Фукидида, как она дошла до нас, на целый ряд составных частей, писанных в разное время, подвергшихся неоднократной переработке и все же не доведенной до конца автором. В своих кропотливых разысканиях Шварц приходит

⁵⁶ В тексте: членов-корреспондентов [*нашей (зачеркнуто)*] Академии наук.

к следующему выводу: «Не раз, — говорит он, — ход Пелопоннесской войны заставлял Фукидида ставить себе новые цели, прерывать начатый труд и снова браться за него. Когда война окончилась, Фукидид принялся за новое построение своего труда, но и эта окончательная переработка, осталась, за смертью Фукидида, лишь торсом». Не все и не во всем согласятся с окончательным выводом Шварца о композиции труда Фукидида, в том виде, в каком он дошел до нас, но все, кто будут иметь дело с непревзойденным образцом не только в античной, но и в мировой историографии, отдадут должную дань Шварцу, его глубоким знаниям, дару его наблюдательности, остроумию, и все, конечно, будут обращаться к тому обширному приложению, которое примыкает к основной части исследования и содержит ряд материалов по критике текста и толкованию Фукидида. Литература, посвященная историку, огромная, и книга Шварца займет в ней одно из почетных мест. К книге Шварца будут обращаться не только филологи-классики, но и историки.

Во все время деятельности Шварца его привлекала греческая историография. Он писал о том, как понимали греческую историю и трактовали ее древние греки; отдельным представителям греческой историографии посвящено много обширных статей Шварца в новом издании Реальной энциклопедии Паули.

В таком направлении шла работа Шварца в области изучения наследия античности. Не менее, если даже не более плодотворна и замечательна была его работа в области изучения памятников христианства и начальной византийской письменности, в той области, которая в течение долгого времени была в руках исключительно богословов, пока Узенер не пробил здесь брешь и не заполнил ее своими исключительной важности трудами, где воочию показал, как тесно древнее христианство было связано с античным язычеством, какие глубокие корни второго входят в первое. Шварц, несомненно, должен был находиться под влиянием Узенера, но в изучении первоначального христианства он пошел и как историк, и как филолог, своим путем. Он начал, в 1908 г., свои занятия ранними христианскими памятниками и издал упомянутую выше «Церковную историю» Евсевия. Занятия Шварца Евсевием привели его к убеждению, что церковная история должна быть создаваема на иных основах, чем это делал Евсевий и другие античные церковные историки, что к составленным в античное время церковным историям необходимо привлечь юридические и публицистические памятники церковной и антицерковной письменности. Выяснению отношения императора Константина к христианской церкви Шварц посвятил особую монографию. В других своих работах он трактовал, между прочим, вопросы и о порядке и дисциплине древней церкви, о древнейших свидетельствах, касающихся празднования Пасхи и проч. Так как для истории первоначального христианства важное значение имеют сирийские памятники, Шварц не побоялся обратиться к изучению сирийского языка и достиг в этом отношении такого совершенства, что в своих работах мог переводить сирийский текст на греческий язык.

Самым великим делом Шварца было предприятие колоссального размаха и огромного значения: строго филологическое издание актов Вселенских соборов, которые до Шварца были известны лишь в издании аббата Коссара, вышедшем в свет в 1687 г. По поручению ученого общества при Страсбургском университете, где Шварц был профессором, он один без сотрудников предпринял монументальное издание *Acta conciliorum oecumenicorum*, которое стало выходить выпусками, образующими ряд томов, и сопровождалось отдельными статьями Шварца, носящими характер как бы комментария к издаваемым текстам. Издание это осталось за смертью Шварца не доведенным до конца, но, надо полагать, материалы для недостающих томов были Шварцем собраны, и, нужно надеяться, найдется подходящий человек или подходящие люди, которые весь этот первостепенной важности труд доведут до конца. По поводу его Вилламовиц-Мёллендорф в свое время правильно писал: «Воля и энергия одного человека при внешней поддержке способны осуществить большое дело скорее, чем всякого рода, хотя бы и организованная, коллективная работа».

В 1938 г. Шварц предпринял издание своих многочисленных статей, докладов, лекций. При жизни Шварца вышел первый том этих *Gesammelte Schriften* под заголовком “*Vergangene Gegenwärtigkeiten*”⁵⁷. В этом томе имеются, помимо статей ученого характера, много статей, написанных Шварцем, *inter arma et post cladem*⁵⁸, посвященных как войне 1914–1918 гг., так и Страсбургскому университету и его роли в деле германского просвещения, а также блестящие характеристики таких ученых, как Моммзен, Узенер, Велльхаузен, Виламовиц-Мёллендорф. Каждый из них в области своей ученой деятельности занимал выдающееся место. На такое же место имеет все основания претендовать и Эдуард Шварц.

[С.А. Жебелёв]

АРАН. Ф. 457. Он. 1 (1940 г.). Д. 22. Л. 77–81.

Литература / References

- Bongard-Levin, G.M., Heinen, H., Kreucher, G. 2002: [M.I. Rostovtzeff and the German historians of antiquity (New epistolary documents)]. In: G.M. Bongard-Levin, Yu.N. Litvinenko (eds.), *Parfyanskiy vystrel* [The Parthian Shot]. Moscow, 607–622.
- Бонгард-Левин, Г.М., Кройхер, Г., Хайнен, Х. М.И. Ростовцев и немецкие антиковеды (новые эпистолярные материалы). В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко (ред.), *Парфянский выстрел*. М., 607–622.
- Diehl, E. 1940: [The sixth international archaeological congress in Berlin (August, 20–26, 1939)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 214–216.
- Диль, Э. VI Международный археологический съезд в Берлине (20–26 августа 1939 г.). *ВДИ* 1, 214–216.
- Frolov, E.D. 2006: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Scholarship on Antiquity. Historiographical Studies]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. 2-е изд. СПб.
- Heil, U., Stockhausen, A. von (Hrsgg.) 2015: *Crux interpretum: ein kritischer Rückblick auf das Werk von Eduard Schwartz*. Berlin–Boston.
- Karpyuk, S.G., Kulishova, O.V. 2018: Last years of S.A. Zhebelyov, member of the Academy: shorthand record of the academic meeting in Tashkent, January, 31, 1942. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History]. 78/1, 88–112.
- Карпюк, С.Г., Кулишова, О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. *ВДИ*. 78/1, 88–112.
- Moldt, D. 2004: Erich Diehl – Lebensbild eines deutschen Altphilologen aus dem Osten Europas. *Hyperboreus* 10, 1–2, 161–170.
- Momigliano, A.D. 1994: Introduction to a discussion of Eduard Schwartz (1978). In: A.D. Momigliano, *Studies on Modern Scholarship*. Ed. by G.W. Bowersock, T.J. Cornell. Berkeley–Los Angeles–London, 187–196.
- Rostislavleva, N.V. 2007: [Russian historians on German past: Paradoxes of scientific interpretations (1914–1917)]. In: B.M. Tupolev (ed.), *Rossiya i Germaniya*. Vyp. 4 [Russia and Germany. Issue 4]. Moscow, 102–118.
- Ростиславлева, Н.В. Историки России о прошлом Германии: парадоксы научных интерпретаций (1914–1917). В кн.: Б.М. Туполев (ред.). *Россия и Германия*. Вып. 4. М., 102–118.
- Schwartz, E. 1880: *De Dionysio Scytobrachione*. Bonn.
- Tunkina, I.V. 2013: [Russian and German classical scholarship at the turn of the 20th century as seen by B.V. Warneke]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 182–190.
- Тункина, И.В. Русское и немецкое антиковедение рубежа XIX–XX вв. глазами Б.В. Варнеке. *ВДИ* 3, 182–190.
- Tunkina, I.V. (ed.) 2017: S.A. Zhebelyov, *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo (1897–1921). Prilozhenie: Biobibliograficheskiy slovar' chlenov RAO* [The Russian Archaeological Society (1897–1921). Supplement: Biobibliographical Dictionary of RAS' Members (1846–1924)]. Moscow.

⁵⁷ В вольном переводе «Недавнее прошлое» (нем.).

⁵⁸ Во время войны и после поражения (лат.).

- Тункина, И.В. (ред.). С.А. Жебелёв, *Русское археологическое общество за третья четверть века своего существования (1897–1921). Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924)*. М.
- Tunkina, I.V., Frolov, E.D. 1993: [Historiographical articles of S.A. Zhebelev]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 182–185.
- Тункина, И.В., Фролов, Э.Д. Историографические этюды С.А. Жебелева (вступит. статья и публикация текста). *ВДИ* 1, 182–194.
- Unte, W. 2007: Schwartz, Eduard. In: *Neue Deutschen Biographie*. Bd 28. Berlin, 797–798.
- Voronkov, A.I. (ed.) 1961: *Drevnyaya Gretsia i Drevniy Rim. Bibliographicheskiy ukazatel' izdaniy, vyshedshikh v SSSR (1895–1959 gg.)* [Ancient Greece and Ancient Rome. Bibliographical Index of Soviet publications (1895–1959)]. Moscow.
- Воронков, А.И. (сост.). *Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.)*. М.
- Warneke, B.V. 2013–2014: [Old philologists. Introduction and commented edition by I.V. Tunkina]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*. 2013, 3, 191–201; 4, 123–155; 2014, 1, 144–178.
- Барнеке, Б.В. Старые филологи. Публикация И.В. Тункиной. *ВДИ*. 2013, 3, 191–201; 4, 123–155; 2014, 1, 144–178.
- Zhebelev, S.A. 1904: [Ulrich Köhler, in memoriam]. *Zapiski klassicheskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkhelogicheskogo obshchestva [Proceedings of the Classical Department of the Imperial Russian Archaeological Society]* 2, 30–32.
- Жебелёв, С.А. Некролог У. Кёлера. *ЗКОРАО*. Т. 2, 30–32.
- Zhebelev, S.A. 1907: [Adolf Furtwängler, in memoriam]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]*. Dec. Dept. IV, 85–90.
- Жебелёв, С.А. Адольф Фуртвенглер. (Некролог). *ЖМНП*. Дек. Отд. IV, 85–90.
- Zhebelev, S.A. 1908a: [Adolf Kirchhoff, in memoriam]. *Hermes* 7, 190–193.
- Жебелёв, С.А. Адольф Кирхгоф. (Некролог). *Гермес* 7, 190–193.
- Zhebelev, S.A. 1908b: [Otto Benndorf, in memoriam]. *Zapiski klassicheskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkhelogicheskogo obshchestva [Proceedings of the Classical Department of the Imperial Russian Archaeological Society]* 5, 270–271.
- Жебелёв, С.А. Некролог О. Бенндорфа. *ЗКОРАО*. Т. 5, 270–271.
- Zhebelev, S.A. 1910: [Adolf Michaelis, in memoriam]. *Hermes* 7, 521–525.
- Жебелёв, С.А. Памяти Адольфа Михаэлиса. *Гермес* 7, 521–525.
- Zhebelev, S.A. 1913: [Otto Puchstein, in memoriam]. *Zapiski klassicheskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkhelogicheskogo obshchestva [Proceedings of the Classical Department of the Imperial Russian Archaeological Society]* 7, 195–196.
- Жебелёв, С.А. Некролог О. Пухштейна. *ЗКОРАО*. Т. 7, 195–196.
- Zhebelev, S.A. 1916: [Wolfgang Helbig, in memoriam]. *Hermes* 18, 1, 190–193.
- Жебелёв, С.А. Памяти Вольфганга Гельбига. Некролог. *Гермес* 18, 1, 190–193.
- Zhebelev, S.A. 1917: [Alexander Conze, in memoriam]. *Zapiski klassicheskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkhelogicheskogo obshchestva [Proceedings of the Classical Department of the Imperial Russian Archaeological Society]* 9, 305–307.
- Жебелёв, С.А. Некролог А. Конце. *ЗКОРАО*. Т. 9. С. 305–307.
- Zhebelev, S.A. 1926: [Eduard Kurtz, in memoriam]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR [Reports of the USSR Academy of Sciences]*, 20, 12, 1047–1052.
- Жебелёв, С.А. Эдуард Курц. Некролог. *ИАН СССР*. Т. XX, 12, 1047–1052.
- Zhebelev, S.A. 1928: [Hermann Diels, in memoriam]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR [Reports of the USSR Academy of Sciences]* VII series, 1, 21–26.
- Жебелёв, С.А. Герман Дильс (Hermann Diels) (1848–1922). Некролог. *ИАН СССР*. VII сер. Отделение общественных наук 1, 21–26.
- Zhebelev, S.A. 1931: [August Heisenberg, in memoriam]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR [Reports of the USSR Academy of Sciences]* VII series, 5, 509–516.
- Жебелёв, С.А. Август Гейзенберг. Некролог. *ИАН СССР*. VII сер. Отделение общественных наук 5, 509–516.
- Zhebelev, S.A. 1932: [Ulrich von Wilamowitz-Möllendorff, in memoriam]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR [Reports of the USSR Academy of Sciences]* VII series, 1, 1–13.
- Жебелёв, С.А. Памяти Виламовица-Мёллендорфа. *ИАН СССР*. VII сер. Отделение общественных наук 1, 1–13.
- Zhebelev, S.A. 1940: [D.V. Aynalov, in memoriam]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR [Reports of the USSR Academy of Sciences]* VII series, 3, 133–135.

- Жебелёв, С.А. Памяти Д.В. Айналова. *ИАН СССР*. VII сер. Отделение литературы и языка 3, 133–135.
- Zhebelev, S.A. 1941a: [Wilhelm Dörpfeld, *in memoriam*]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of Reports and Field Research of the Institute of History of Material Culture] 10, 125–129.
- Жебелёв, С.А. Памяти Вильгельма Дёрпфельда. *КСИИМК*. Т. X, 125–129.
- Zhebelev, S.A. 1941b: [S.P. Shestakov, *in memoriam*]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR* [Reports of the USSR Academy of Sciences] VII series, 1, 152–154.
- Жебелёв, С.А. С.П. Шестаков (13/VIII 1864–11/XI 1940). *ИАН СССР*. VII сер. Отделение литературы и языка 1, 152–154.
- Zhirmunskiy, V.A. 1940a: Rev.: Atlas der deutschen Volkskunde. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR* [Reports of the USSR Academy of Sciences] VII series, 2, 138–140.
- Жирмунский, В.М. Рец.: Atlas der deutschen Volkskunde. *ИАН СССР*. VII сер. Отделение литературы и языка 2, 138–140.
- Zhirmunskiy, V.A. 1940b: Rev.: Kulturräume und Kulturströmungen im Mitteldeutschen Osten. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR* [Reports of the USSR Academy of Sciences] VII series, 2, 140–142.
- Жирмунский В.М. Рец.: Kulturräume und Kulturströmungen im Mitteldeutschen Osten. *ИАН СССР*. VII сер. Отделение литературы и языка 2, 140–142.
- Zhirmunskiy, V.A. 1941: Rev.: “Deutsche Volkslieder mit ihren Melodien”. “Das deutsche Volkslied”. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR* [Reports of the USSR Academy of Sciences] VII series, 1, 148–149.
- Жирмунский, В.М. Рец.: “Deutsche Volkslieder mit ihren Melodien”. “Das deutsche Volkslied”. *ИАН СССР*. VII сер. Отделение литературы и языка 1, 148–149.